

Д. А. НЕВЕРОВ

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

В статье обосновывается положение о том, что общая причина как экономических кризисов, так и динамического сбалансированного развития одна и та же. Она связана с абсолютной мерой ценности. Нарушение нормы ведет к кризису, следование ей — к благосостоянию. Абсолютная мера ценности — это мера должного соотношения между фундаментальными категориями экономической науки: овеществленным и живым трудом, капиталом и рабочей силой, себестоимостью и прибылью, материальными затратами и добавленной стоимостью, потреблением и накоплением, долгосрочными и краткосрочными целями. Двухсекторная модель расширенного воспроизводства, построенная на основе принципа золотого сечения, решает актуальную проблему определения микроэкономических основ макроэкономики.

Ключевые слова: ценность; капитал; абсолютная мера; золотое сечение; последовательность Фибоначчи.

УДК 330.5

Кризис — явление довольно распространенное и поэтому в некоторой степени необходимое. Его очищающе-обновляющему воздействию время от времени подвергаются не только все стороны общественной жизни, но жизни вообще. Эволюцию можно представить как торжество или кризис одних форм жизни над другими. В чем причина этого?

В нарушении либо следованию некой норме. Если суть бытия — вещи в норме (мере), то вместе с нормой исчезает и само бытие.

Поскольку центральной и всеохватывающей категорией экономической науки является категория ценности, то на вопрос о природе экономических кризисов самым общим ответом будет утверждение о нарушении некой всеобщей экономической нормы (меры) ценности.

Нормы чего? Нормы какой ценности? Очевидно, речь идет о норме взаимодействия не менее фундаментальных, чем категория экономической ценности, понятий. Причем таких понятий, существование которых подчиняется логике диалектики единства и борьбы противоположностей, стремящихся *прирасти* за счет *убыли* своего «контрагента». Иначе, говорить о мере или мере не приходится, ибо мера есть должное отношение двух взаимоисключающих и взаимодополняющих понятий, удельные веса которых в сумме всегда дают 100 %. По всей видимости, лишь одна комбинация этих удельных весов составляет искомую (истинную) пропорцию противоположностей, обеспечивающую вечное существование целого (единого). Наоборот, чем дальше от истинной «меры-пропорции» удалены все остальные возможные сочетания, тем острее кризис взаимоотношений.

В качестве фундаментальных пар экономических противоположностей можно привести следующие: овеществленный и живой труд; труд и капитал;

Дмитрий Александрович НЕВЕРОВ (Neverov122008@tut.by), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

себестоимость и прибыль; накопление и потребление; материальные затраты и добавленная стоимость; краткосрочные и долгосрочные цели*.

Целью статьи является обоснование общей причины экономического кризиса или, наоборот, экономического благосостояния как следствия нарушения либо соблюдения некоего *неизменного* баланса между перечисленными категориями. Мера по определению должна быть неизменной. Неизменность означает абсолютность. Так как названные категории могут сосуществовать в качестве противоположностей, стремящихся к единству, то речь идет об абсолютной или неизменной мере этого единства на все времена и для всех народов.

Как для чаш весов, находящихся в равновесии, «безразлично» количество груза на каждой, но принципиально его равенство, так и для абсолютной меры экономической ценности совершенно индифферентна предельная производительность труда или капитала, овеществленного или живого труда, но принципиально такое их соотношение, при котором общество развивается сбалансированно-гарантировано в долгосрочном плане, минуя кризисы и стагнации. Потому что как раз чрезмерное превосходство в предельной производительности одного фактора над другим, достигаемое обычно посредством диктата сиюминутных целей и выгод над интересами будущих поколений и является причиной «справедливой кары» со стороны проигнорированной меры. Как в этике, страдание и наказание неотвратимо следуют за нарушением нравственных принципов, а спокойствие совести и полнота жизни, наоборот, сопровождают того, кто им следует, так и в хозяйственной жизни, судя по всему, действует похожий механизм возмездия и награды в зависимости от верности или неверности идеальным пропорциям вышеперечисленных асимметричных понятий.

Для физического равновесия главное, повторимся, равенство груза, а не его тяжесть или легкость. Так и для экономического равновесия, измеряемого и контролируемого абсолютной мерой, главное — не фактическое значение эффективности общественного труда, демонстрируемое той или иной эпохой или тем или иным народом, а некий баланс в предельной производительности главных факторов производства. Анализ того, насколько принцип идеальной сбалансированности фундаментальных экономических понятий присутствует в хозяйственной деятельности, позволяет «пройти сквозь века и страны», сопоставляя и сравнивая казалось бы несопоставимое и несравнимое.

На самом деле множество вариантов сочетания предельной производительности труда и капитала на различных этапах истории можно трактовать как проявление относительных истин, с разной долей успешности отражающих экономическую истину равновесия. Волнообразная природа этого равновесия, продемонстрированная различными учеными в их теориях экономических циклов (Н. Д. Кондратьев, И. Шумпетер, М. Калецкий и др.) стала, кажется, общепризнанным фактом. По сути, речь идет об абсолютной причине динамического волнообразного равновесия, постоянно воспроизводящей себя на более высоких уровнях эффективности в новых абсолютных значениях. Самый наглядный пример возможности существования такой причины демонстрирует математический ряд, известный как последовательность Фибоначчи: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89 и т. д. ($1 + 2 = 3$; $3 + 2 = 5$; $5 + 3 = 8$; $8 + 5 = 13$; $13 + 8 = 21$; $21 + 13 = 34$ и т. д.).

Если первым слагаемым обозначить живой труд, а вторым — овеществленный (или наоборот), а затем соотнести их друг с другом, то мы получим неизменную пропорцию на всех уровнях. Например, 5 также относится к 2 или 3, как 8 относится к 5 или 3 и т. д. Верно и обратное: 3 так относится к 2, или 2 так относится к 3, как на следующем уровне 5 относится к 3 или 3 относится к 5 и т. д. Мы имеем простейшую модель роста, в которой слагае-

*Как станет ясно из последующего изложения, анализ и выводы, сделанные относительно какой-то одной из вышеперечисленных пар, имеют силу и для всех остальных.

мые, возрастая и чередуясь местами, демонстрируют одно и то же отношение. Это отношение известно со времен Евклида и называется правилом «золотого сечения»: большое слагаемое должно так относиться к малому, как целое (сумма) к большому. Можно и в обратном порядке: малый отрезок должен так относиться к большому отрезку, как большой отрезок к целому. Отношение смежных чисел ряда приближается к отношению «золотой меры» — 1,618.

Обозначим малый отрезок (или слагаемое) через a , большой — через b , их сумму — через c , тогда «золотое правило», впервые сформулированное в «Началах» Евклида (примерно 300 г. до н. э.), будет выглядеть так: $a : b = b : c$ или $c : b = b : a$.

Так или иначе, но ряд Фибоначчи дает математическую иллюстрацию самовоспроизводящейся по определенному правилу «вечной динамики», где в качестве слагаемых можно использовать любую из перечисленных выше пар фундаментальных категорий, а постоянно растущий результат трактовать в качестве общественного благосостояния. Сбалансированное, безкризисно-динамическое возрастание общественной эффективности возможно, если производительность основных факторов производства подчинена закономерности, демонстрируемой правилом «золотого сечения» и последовательностью Фибоначчи.

Интересно, что классики (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс) догадывались об этом, утверждая, казалось бы парадоксальное положение о том, что абсолютная мера ценности не зависит от производительности труда в различные эпохи, но зависит от самого труда (как известно, абстрактный труд Маркса претендует на роль абсолютной меры). «Зерновая модель» Рикардо, где зерно одновременно является и ресурсом, и продуктом для отраслей, выступающих в роли покупателя-продавца в одном лице, также подразумевает механизм устойчивого динамического равновесия цен (то, что выигрывается продавцом зерна, *и.м.* же проигрывается как покупателем, что удерживает цены в равновесии).

Труд — такая субстанция, в которой качественные различия легко устраняются и теоретически, и практически законом перехода количественных изменений в качественные. Можно привести немало мест из работ классиков трудовой теории стоимости, где они, затрагивая тему абсолютной меры ценности и заявляя о прекрасной осведомленности о трудности сравнения различных качеств труда между собой, тем не менее настаивают на *постоянстве* самого соотношения между нормами зарплаты и прибыли в самых различных приложениях труда и капитала в разные времена и в разных странах (например, А. Смит в 10 гл. «Богатства народов», Д. Рикардо во втором отделе «Начал», К. Маркс в 1 гл. «Капитала» [1–3]). Вот гениальная догадка А. Смита, с которой впоследствии согласились Д. Рикардо и К. Маркс: «На соотношение между нормами зарплаты и прибыли в различных приложениях труда и капитала, по-видимому, не очень влияет богатство или бедность страны, ее прогрессирующее, стационарное или регрессирующее состояние. Такие резкие изменения в общественном благосостоянии, хотя и отражаются на общем уровне зарплаты и прибыли, в конечном счете, должны *одинаково* (выделено мной — Д. Н.) влиять на них в различных отраслях промышленности. Соотношение между ними должно поэтому оставаться *прежним и не может изменяться, по крайней мере, на сколь-нибудь продолжительное время* (выделено мной — Д. Н.) при указанных изменениях в общественном благосостоянии» [1, с. 187].

Интересно, почему соотношения между нормой прибыли и зарплаты, по мнению классиков, относительно постоянны во времени и пространстве и не зависят от уровня благосостояния и стадии экономического цикла? Не является ли данное *постоянство* характерным признаком абсолютной меры стоимости? Не потому ли, что капитал нации, как самовозрастающая стоимость, в *долгосрочной перспективе* придерживается правила «золотого сече-

ния», демонстрируемого последовательностью Фибоначчи? Не потому ли, что капитал нации перестает быть самовозрастающей стоимостью в *краткосрочной* перспективе вследствие игнорирования правила «золотой пропорции»?

Во всяком случае и определение капитала, и математический ряд Фибоначчи роднит то, что оба имеют принцип самовозрастания внутри себя. Причем эксклюзивную ценность последовательности Фибоначчи придает именно неизменность структуры целого и соотношений слагаемых *на любом уровне их абсолютных значений*, что открывает двери для решения вечной дилеммы эффективности и справедливости.

Капитал — сложное многогранное явление. Но суть его общеизвестна — быть средством производства чистого продукта (добавленной стоимости) или его отдельного элемента — прибыли. *Самовозрастание* экономической ценности означает быть *«средством производства в квадрате»*, быть средством производства средства производства. Подобное «фрактальное» самоуглубление капитала (то, что возведено в степень, требует обратного хода в виде «фрактального» извлечения квадратного корня) стало предметом пристального внимания Пьеро Сраффы в его книге «Производство товаров посредством товаров» (1960) [4]. Выводы последнего были революционны. Общая причина колебания цен — следствие нарушения некой абсолютной меры производства «стандартного товара» «стандартной отраслью». Под «стандартной отраслью» понимается такая система, в которой различные товары, входящие в структуру средств производства, сочетаются в той же пропорции, как и в готовой продукции. То есть соотношение материальных затрат и добавленной стоимости или труда и капитала в средствах производства точно такое, как и в выпуске. *Это именно то требование, какое наглядно выполняется рядом Фибоначчи*. Слагаемое любого уровня не нарушает пропорцию между собой и целым, с одной стороны, а также пропорцию между собой и соседним слагаемым — с другой.

Прежде чем проверить на прочность методологию этого ученого, небесполезно будет вспомнить причины многогранных оттенков ценности капитала.

С помощью капитала производится добавленная или вновь созданная стоимость (в данной статье эти категории тождественны, хотя добавленная стоимость превосходит последнюю на величину амортизации основного капитала; также равноценным понятием является «чистый продукт» А. Смита). *Общая* (общественная) ценность капитала тем выше, чем больше созданная с его помощью новая стоимость (зарплата, прибыль, рента, процент).

Однако *частная* оценка экономической ценности капитала может определяться как любой частью вновь созданной стоимости, так и различными их комбинациями (различные элементы чистого продукта, питаемые соответствующими экономическими интересами, принадлежащими отдельным лицам или альянсу лиц, могут объединяться в различных пропорциях экономического излишка и, будучи соотносенными с нормой банковского процента, давать пресловутую многогранность оттенков ценности капитала).

Крестьянин-собственник будет оценивать землю иначе, чем рабочий-батрак. Крестьянин-собственник будет оценивать ее с помощью излишка, возвышающегося над прожиточным минимумом. Фермер-арендатор будет оценивать ту же землю с точки зрения перспективы получения излишка над средней нормой прибыли. Землевладелец — с точки зрения ренты и возможности ее «монополизации». Наконец, банкир — с помощью маржи между ссудным и депозитным процентом. Но с общественной точки зрения однозначна прямая связь, подчеркнем, ценности физического капитала как материальных затрат с чистым продуктом.

Этим не исчерпывается сложность экономической оценки капитала. Чуть ранее мы говорили о ценности капитала, черпаемой из будущего и настоящей-

го. Но капитал принципиально историчен. У него имеется свое прошлое. И это прошлое вносит лепту для ценности капитала не меньшую, чем текущее и будущее время. В текущем акте производства физический капитал является в виде предмета или средства труда, но до этого он сам имел историю своего создания, сам являлся результатом соотношения материальных затрат и живого труда. «Историческую» цепочку «вглубь» различного органического строения капитала можно продолжать вплоть до первозданных сил природы. Непревзойденная заслуга П. Сраффы как аналитика в том, что он без помощи эффективности, радикально меняющей структуру цен и себестоимостей в пользу прибыли, сумел показать достаточность одной лишь силы распределения, разделяющей чистый продукт на зарплату и прибыль в разных пропорциях, для объяснения колебания цен, в том числе и цен капитальных благ.

Мысль П. Сраффы хоть и проста, но требует сосредоточенности. Одни товары входят со своей структурой себестоимости и цены в качестве материальных затрат в производство других товаров. Можно представить весьма длинную последовательность кооперации и разделения труда из промежуточных товаров, имеющих своеобразные структуры себестоимостей и цен. Из-за этого разнообразия структур, однозначного решения о том, как именно в конечном итоге изменится общий уровень цен в результате первоначального импульса, например, в результате повышения профсоюзами зарплат, не существует *даже для трудоемких отраслей*. Скорее всего, цена, конечно, повысится, в чем были уверены А. Смит, Д. Рикардо, и К. Маркс. Но длинная цепь промежуточных товаров, *материальные затраты которых по преимуществу капиталоемки, а не трудоемки*, не только относительно снизят удельный вес материальных затрат в конечном продукте, но и способны даже в краткосрочной перспективе значительно «отыграть» абсолютное увеличение цены трудоемкого товара.

Как пишет сам П. Сраффа в 20 параграфе своей книги: «Относительные изменения цен двух продуктов зависят от соотношения труда и средств производства, посредством которых они непосредственно произведены, но также от пропорций, в которых средства производства тех средств производств были произведены и т. д. Сколь бы сложными не были механизмы изменения цен под влиянием изменений в распределении, их результатом (а равно и их оправданием) является восстановление баланса в каждой отрасли. Они достигают этой цели и она не может быть достигнута другим путем» [4, с. 28]. Цена, таким образом, всегда есть равнодействующая противоположных сил трудосберегаемого и капиталоемкого процессов.

Отсюда следуют далеко идущие выводы не очень благоприятные для неоклассической концепции капитала. Само определение капитала, производительность которого, согласно неоклассической теории, определяет величину прибыли, зависит от того, как показал П. Сраффа своей моделью цен промежуточных товаров, как именно распределяется прибыль и зарплата. То есть, скорее, не будущее, а прошлое влияет на ценность капитала. Как написала Д. Робинсон: «Один из основных пунктов аргументации Сраффы состоит в том, чтобы показать, что «стоимость капитала» в целом не имеет никакого смысла вне зависимости от распределения чистого продукта между заработной платой и прибылью, так что идея о том, что норма прибыли определяется предельным продуктом капитала, является бессодержательной» [5, с. 288].

Предположим, что правило «золотого сечения» воистину тотально и способно освещать своим «примиряющим светом гармонии» не только сферу искусства и этики, но и хозяйственную деятельность человека. Попробуем совместить методологию П. Сраффы, в которой центральную роль играет понятие «стандартная отрасль», с равновесной динамикой «золотого сечения», демонстрируемой последовательностью Фибоначчи.

Напомним, что стандартная отрасль П. Сраффы — это такая экономическая система, в которой средства производства или материальные затраты имеют такую же структуру овеществленного и живого труда (зарплата и прибыль), что и структура выпуска. Таким образом, сама *структура* цены является *причиной* движения (нет структуры — обмен невозможен между отраслями). Стандартная отрасль производит стандартные товары. Поскольку стандартный товар содержит в себе принцип стандартной отрасли и наоборот, стандартный товар и стандартная отрасль — одно и то же.

Лучшего кандидата на роль стандартной отрасли (стандартного товара), чем последовательность Фибоначчи, не найти, потому что эта *единственная* математическая последовательность, в которой возможно увидеть непростую неизменность структуры каждой цены, но такую неизменность, в которой соблюдается вечный «справедливый» паритет главных элементов цены — материальных затрат и вновь созданной стоимости (а также зарплат и прибыли, как будет показано ниже): ни один из элементов структуры, несмотря на неравенство своего удельного веса, тем не менее не имеет ни малейшего относительного преимущества по отношению как к целому, так и друг к другу. Парадокс равенства неравных частей!

Равенство неравных? Не является ли принцип «золотого сечения» ($0,382/0,618$) «по совместительству» принципом решения противоречия справедливости и эффективности?

Отрезок $0,382$ «держит на своих плечах» тот же груз, что и отрезок $0,618$. Если разделить $1\ 000$ человек на группы из 382 и 618 человек, а затем «водрузить» на плечи меньшей группы вес большей группы, то первые будут испытывать то же самое, что и плечи большей группы по отношению к грузу целого. Это значит, что $0,382$ делает для внешнего мира ровно столько, сколько и $0,618$. Для $0,318$ значение $0,618$ играет такую же роль целого, какое представляет 1 для $0,618$. Удельный вес $0,318$ в $0,618$ такой же, что и $0,618$ в единице. Если кто-то из группы в 382 человека надумает поменять дислокацию и переместиться в группу в 618 человек (или наоборот), он не заметит никакой разницы.

Никто не имеет преимуществ и привилегий, несмотря на разницу в размерах. Поэтому вопрос дилеммы эффективности и справедливости в данном случае просто не может возникнуть. Бремя долга для $0,382$ той же легкости или тяжести, что и для $0,618$. 382 человека должны принести на общественный алтарь излишек (или налог) такой же степени обременительности, что и для 618 человек.

В том-то и дело, что речь в данном случае не идет о равной доле или пропорциональном налоге с дохода (имущества). В том-то и дело, что пропорциональное налогообложение ставит в привилегированное положение богатых (по закону убывающей предельной полезности денежная единица для богатого и бедного имеет разную ценность), тогда как принцип «золотого сечения» разрешает эту дилемму справедливого налогообложения слабых и сильных мира сего. То расстояние, которое отделяет $0,382$ от $0,618$ в «ценностном плане», равно расстоянию, которое отделяет $0,618$ от целого (единицы). Поэтому никто не выиграет и не проиграет, если вдруг произойдет ротация отрезков: малый превратится в большой, а большой в малый.

«Органическое» единство не может быть единством симметричных (абсолютно равных) слагаемых. Таким может быть лишь «механическое» формальное единство, в котором априори отсутствует разнообразие и новизна (в симметрии нет новизны, разнообразия, движения; наоборот, здесь «гнездятся» прямо противоположные понятия стационара, однообразия, консервативности).

Итак, если в некоем асимметричном единстве малая и большая части принесут на «общий алтарь» ровно столько, сколько требуется по правилу «золотого сечения», они исполняют правду жизни, исполняют закон справедливости.

Для этого требуется одно — быть «большому» и «малому» в отношении «золотой пропорции». Тогда все, что останется сделать, — договориться о равной производительности труда для каждого (вне зависимости от принадлежности к большей или меньшей группе). Это может быть любое (посильное) значение производительности. Главное, чтобы оно было одинаковым для всех. Тогда приверженность принципу «золотого сечения» обеспечит *максимально возможное сбалансированное* возрастание этой производительности, как бы не было мало ее первоначальное значение. Секрет в том, что приверженность принципу «золотого сечения» обходит стороной все подводные камни, связанные с нарушением меры, и тем самым экономит драгоценное время от кризисов и стагнации, обеспечивая реализацию принципа «тише едешь — дальше будешь».

Литература

1. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М. : Эксмо, 2009. — 959 с.
Smit, A. Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov [Study on the nature and causes of the wealth of nations] / A. Smith. — М. : Eksmo, 2009. — 959 p.
2. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо. — М. : Эксмо, 2008. — 880 с.
Rikardo, D. Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [Principles political economy and tax imposition] / D. Rikardo. — М. : Eksmo, 2008. — 880 p.
3. Маркс, К. Капитал : в 3 т. / К. Маркс. — М. : Полит. лит., 1973. — Т. 1. — 905 с.
Marks, K. Kapital [Capital] : v 3 t. / K. Marks. — М. : Polit lit., 1973. — Т. 1. — 905 p.
4. Сраффа, П. Производство товаров посредством товаров / П. Сраффа. — М. : Юнити-Дана, 1999. — 185 с.
Sraffa, P. Proizvodstvo tovarov posredstvom tovarov [Production of Commodities by Means of Commodities] / P. Sraffa — М. : Unity-Dana, 1999. — 185 p.
5. История экономических учений: современный этап : учеб. / под. ред. А. Г. Худокормова. — М. : Инфра-М, 2009. — 733 с.

DZMITRY NIAVERAU

***SOLUTION TO THE PROBLEM
OF BALANCED ECONOMIC DYNAMICS***

Author affiliation. *Dzmitry NIAVERAU (Neverov122008@tut.by), Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. The article substantiates the proposition that both economic crises and dynamic balanced development have the same cause which is related to the absolute measure of economic value. Violation of the norm leads to a crisis, while following the norm leads to wellbeing. The absolute measure is a measure of the proper relationship between the fundamental categories of economics: materialized and living labor, capital and workforce, cost and profit, material inputs and value added, consumption and accumulation, long-term and short-term goals. A two-sector model of expanded reproduction, based on the principle of the golden ratio, solves the relevant issue of determining the microeconomic principles of macroeconomics.

Keywords: value; capital; absolute measure; Fibonacci sequence; golden ratio.

UDC 330.5

*Статья поступила
в редакцию 03.05. 2019 г.*